

РОМАН «ЦИВИЛИЗАЦИИ» Л. БИНЕ КАК УХРОНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА

Е. А. Борисеева

*канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь)
boriseeva2012@yandex.by*

В статье рассматривается жанр ухронии на примере романа «Цивилизации» современного французского писателя Л. Бине. Специфика ухронии, предполагающей творческое пересоздание исторической реальности, определяется в рамках тенденции к пониманию жанра как категории, задающей читательскую рецепцию. Выявляются стратегии дешифровки культурных кодов, которые трансформируются в ходе создания художественного мира ухронии Л. Бине (от исторических событий до жанровых структур). Основу такого рода литературной игры составляет взаимодействие реального и вымышленного.

Ключевые слова: альтернативная история; верификация; жанр; жанровый код; ухрония; фактуальный жанр; фикционализация; экфрасис.

L. BINET'S «CIVILIZATIONS» AS UCHRONIA: ON THE PROBLEM OF GENRE DEFINITION

A. A. Baryseyeva

*(Belarusian State University, Minsk, Belarus)
boriseeva2012@yandex.by*

The article deals with the definition of uchronia as a literary genre on the example of the novel «Civilizations» (2019) by a contemporary French writer L. Binet. The specifics of uchronia, which involves a creative reconstruction of historical reality, are defined within the tendency to understand a genre as a category that determines the reader's reception. Strategies for deciphering cultural codes that are transformed in the course of creating the artistic world of L. Binet's uchronia (from historical events to genre structures) are identified. The basis of this kind of literary game is the interaction of the real and the fictional.

Key words: alternative history; verification; genre; genre code; uchronia; factual genre; fictionalization; ekphrasis.

Жанр как ведущая литературоведческая категория отражает историю литературы. Его путь проходит от жанра как канона, свода правил в традиционалистской литературе, жанра как формы авторского присутствия в эпоху индивидуального авторства к жанру как инструменту интерпретации текста, что согласуется с общим усилением коммуникативной составляющей литературной цепочки

на современном этапе развития. В XX веке жанр – важный инструмент в утверждении самодостаточности литературы, что напрямую связано с демонстрацией созданности, фикциональности художественного мира. В ситуации кризиса мимесиса оформляются жанры и жанровые модификации, которые делают ставку на вымысел, когда организация хронотопа, сюжета, системы персонажей носит подчеркнуто условный характер (роман-притча, роман-миф, антиутопия, роман инициации). И с момента активного вовлечения в означивание текста читателя как полноправного участника литературной коммуникации, жанр обеспечивает конвенциональный характер этого диалога и становится своего рода партитурой для читательской интерпретации.

Весомым аргументом развития литературной ситуации в сторону коммуникативной составляющей жанра является оформление в рамках историографической прозы ухронии. Понятие ухронии было введено французским философом Шарлем Ренувье (*Charles Renouvier*; 1815 – 1903) в труде «Ухрония: Утопия в Истории» (*«Uchronie: l'utopie dans l'Histoire»*, 1857), где представлена *«история европейской цивилизации, которой она не была, какой она могла бы быть»* [цит. по: 1, с. 38]. Сам термин создан по образцу понятия утопия: ухрония как «время, которого нет». В своей работе Ш. Ренувье отказывается от идеи исторического детерминизма. Во второй половине XX века ухрония как литературный жанр осваивается разными национальными литературами, что не в последнюю очередь связано со становлением эпохи постмодерна. Развитие ухронии закономерно в ситуации текстуализации истории, когда *«историческая реальность больше не является основой художественного повествования, к ней относятся как к условно сконструированной реальности, а знания, полученные о ней ранее, самим этим отношением отвергаются как вымысел»* [2]. Характерным признаком сюжетной организации ухронии является точка бифуркации – временная развилка, когда большая история из-за сцепления случайностей идет не по известному нам пути. Жанровая природа ухронии определена коммуникацией с читателем: текст предполагает считывание читателем культурных кодов, которые трансформируются в ходе создания мира ухронии (от исторических событий до жанровых структур), основу игры с читателем составляет соотношение реального и вымышленного.

Свой вариант ухронии предлагает французский писатель Лоран Бине (*Laurent Binet*, b. 1972), все романы которого построены на взаимодействии факта и фикции. Его третий роман «Цивилизации» (*Civilizations*, 2019), получивший Большую премию Французской академии, представляет собой постколониальный вариант ухронии. Изменение хода истории имеет у Л. Бине скрупулезное научное и историческое обоснование, что делает его художественный вымысел убедительным: автор создает историю, которая могла бы случиться – невероятную по смелости фантастических допущений, но научно аргументированную. Писатель отталкивается от идеи географа и биолога Джареда Даймонда («Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ», 1999) о том, что доминирование евразийских цивилизаций обусловлено географией и носит случайный ха-

рактир. Л. Бине принимает в качестве рабочей гипотезу то, что наличие трех вещей позволило европейцам покорить коренные народы Америки – это лошади, железо и антитела. Впрочем уже Монтень (*Michel de Montaigne, 1533–1592*) в своих «Опытах» (*Essais, 1580*), обличая коварство и жестокость конкистадоров и утверждая высокие моральные качества индейцев, указывает на наличие железа и лошадей у европейцев как на фактор, обеспечивший превосходство последних: *«говорю я, отнимите у победителей все эти благоприятствующие им обстоятельства, и вы лишите их всякой возможности одерживать столько побед»* [3, с. 122].

Точка бифуркации у Л. Бине – открытие Нового света. Трансформация событий в романе определена встречей викингов и индейцев, в ходе которой последние получают все те вещи, что обеспечили европейцам преимущество в исторической реальности. И ситуация меняется: первая экспедиция Колумба гибнет в столкновении с индейцами, и Европе не суждено узнать о совершенном им открытии. А в 1531 году в Лиссабон прибывают 183 индейца во главе с Атауальпа, который вследствие борьбы за власть вынужден искать спасение в землях, лежащих за океаном. И начинается новая история – история колонизации Европы, которая и становится в романе Новым светом. В своей альтернативной истории Л. Бине, как и в прежних романах, фактологически точен, но исторические факты переворачиваются с точностью до наоборот: на самом деле отряд конкистадоров в 1531 году вторгся в Перу, используя междоусобицу братьев-инков Уаскара и Атауальпа.

В романе неизменными являются либо события, не зависящие от человеческой воли: природные катаклизмы (Лиссабонское землетрясение 1531 году, последствия которого облегчают для инков первые шаги по завоеванию нового мира), болезни (оспа, чума), либо глобальные процессы эпохи (Реформация и Контрреформация). В мире Л. Бине действуют персонажи, вошедшие в большую историю, но только в обстоятельствах ухронии их судьба радикально меняется: сам Атауальпа не казнен конкистадорами, а призван стать создателем толерантной Европы и императором Нового света. Он отменяет эдикт об изгнании евреев из Испании, а учрежденный им Севильский эдикт 1543 году дарует свободу религиозного вероисповедания и упраздняет инквизицию, хотя выгоднее всего в Новом Свете принять религию колонизаторов – культ Солнца. Испанский конкистадор и автор хроник о завоевании Перу Педро Писарро, в романе спасенный от смерти кубинской принцессой Игуэнамотой, знакомит индейцев с нравами и обычаями Нового Света, занимая, в конце концов, пост госсекретаря. Впрочем функции некоторых персонажей сохраняются: убийца остается убийцей, даже если жертвой оказывается другая историческая фигура. Так, в романе Лоренцо Медичи организует убийство не своего кузена Алессандро Медичи, герцога Флоренции, как это было в реальности, а Верховного инка Атауальпа.

Трансформация исторической ситуации у Л. Бине строго подчинена обстоятельствам: коль скоро меняется религиозно-политический контекст эпохи, и событие должно измениться. Так, иезуиты из набирающего силу движения, кото-

рое станет основой Контрреформации, превращаются в оппозиционный орден. А Коперник после публикации труда «О вращении небесных сфер» (1543) и триумфального распространения по всей империи его гелиоцентрической системы, что увеличивает приток почитателей новой религии в храмы Солнца, получает должность первого королевского астролога [4, с. 288]. Впрочем Томас Мор (*Thomas More, 1478–1535*) и в этом альтернативном мире заключен в Тауэр в ожидании смертной казни. Меняется только причина его оппозиции монарху: в романе это несогласие с принятием Генрихом VIII религии Солнца, которую английский король вводит из-за разрешенного этим культом многоженства.

«Цивилизации» можно рассматривать как историко-литературный детектив, где загадка – сам роман, который конструируется из перевернутых культурных кодов. Игра ведется на разных уровнях текста, и прежде всего – это игра с жанровыми кодами. В романе четыре части, в каждой из которых используется свой жанровый код и свой прецедентный текст. Показательно, что три части стилизованы под жанры фактуальные (сага, дневник, хроника) – и тем самым альтернативная история верифицируется. Последняя часть «Похождения Сервантеса» (*Les aventures de Cervantès*), для которой прецедентным текстом является «Дон Кихот», пересоздает историю жизни испанского писателя, соединяя правду и вымысел. Эта часть представляет собой полижанровую форму – экзофикцию (постмодернистский вариант биографического романа, предполагающий фикционализацию биографии исторического лица [см.: 5, с. 155]), построенную по законам пикареского романа.

Первая часть «Сага о Фрейдис Эйрикسدоттир» (*La saga de Freydis Eriksdottir*) использует историческую канву и стилистику винландских саг, повествующих об открытии викингами Америки. Основой второй части является дневник Христофора Колумба.

Самая объемная и насыщенная разными жанровыми формами, историческими и литературными аллюзиями и реминисценциями – третья часть, «Хроники Атауальпы» (*Les chroniques d'Atahualpa*), рассказывающая о колонизации инками Европы и предлагающая альтернативную версию европейской истории XVI века. Среди прецедентных текстов этой части – хроники покорения Латинской Америки конкистадорами, эпоса «Лузиады» («*Os Lusíadas*», 1572) Луиша де Камознса (*Luís Vaz de Camões, 1524–1580*), пересозданная Л. Бине в эпическую поэму «Инкиады» (*Les Incades*) с соблюдением образного строя, ритмики и строфики первоисточника, «Государь» (*Il Principe, 1532*) Макиавелли (*Niccolò di Bernardo dei Machiavelli, 1469–1527*), ставший для Атауальпы учебником по управлению Новым светом.

Смысл романа «Цивилизации» раскрывается посредством параллельного чтения текста Л. Бине и прецедентного произведения. Так, во второй части Л. Бине сначала практически дословно следует содержанию дневника Колумба, подсвечивая колониальный дискурс первоисточника. В документальном тексте Колумб оценивает автохтонное население Америки с точки зрения их полезности для Испании: «Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми

слугами (*servidores*) [...]; и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований (*que ningún secta tenían*)» (запись от 12 октября 1492 г.) [6]. Л. Бине переносит в роман ситуацию из реального дневника, когда испанцы захватили индейцев, «чтобы доставить их королям, обучить нашему языку – тогда они узнают, что имеется в [нашей] земле и усвоят [наши] обычаи и веру» (запись от 12 ноября 1492 г.) [6]. Но если реальные индейцы были беззащитны перед европейцами (в дневнике Колумба отмечено, что «нет у них оружия, и они наги и неизобретательны в военных делах» (запись от 16 декабря 1492 г.), то у Л. Бине Колумб констатирует наличие у индейцев железа и лошадей. Это означает, что преимущества у европейцев уже нет. Индейцы в документальном источнике «удобны» для колонизации: Колумб настойчиво повторяет об их наивности, смиренности и доброжелательности. В восприятии романного Колумба автохтоны коварны, поскольку посмели оказать сопротивление, причем в записях от 16 декабря герой Л. Бине не видит никаких оснований для такой враждебности по отношению к испанцам, удивляясь: «за что они нас так ненавидят?» [4, с. 63]. Но именно дневниковые записи от 16 декабря исторического Колумба дают представление о колонизаторской миссии его путешествия: «И они годны на то, чтобы над ними повелевать и принуждать их работать, сеять и делать все, что будет необходимо. И пусть они строят себе города, научатся ходить одетыми и усвоят наши обычаи» [6]. Реальный дневник Колумба задает одномерность восприятия, транслируя лишь точку зрения европейца. Л. Бине дает право голоса индейцам, которые обвиняют христиан в том, что те «многих индейцев забрали против их воли, разлучили с семьями и надругались над их женщинами» [4, с. 62]. В ответ на это следует объяснение Колумба, что «индейцев увезли ради их же спасения» [4, с. 62].

Литературная игра Л. Бине напоминает читателю, что доминирование над Другими (чужими цивилизациями, этносами, социальными группами, отдельными личностями) носит случайный, а не закономерный характер и не обусловлено наличием у завоевателя особых свойств, дающих превосходство. В своей ухронии Л. Бине дарит шанс субалтерным Другим – Проигравшим, вычеркнутым из большой истории, наделяя их субъектностью, правом действовать и говорить. Таким образом, авторская интенция реализуется через взаимодействие исторического документа и вымысла.

Цивилизация, создаваемая индейцами в Европе, призвана стать образцом толерантности, на что неоднократно указывает автор хроник. В хрониках обличаются суеверия и фанатизм, религиозная нетерпимость и невежество автохтонов-европейцев. Индейцам непонятны христианские ритуалы (например, таинство евхаристии), казни инквизиции, религиозные распри католиков и протестантов, но при этом инки сами, обретая власть, устанавливают в Новом свете культ солнца, а мексиканцы, прибывшие позже в Европу, организуют и кровавые человеческие жертвоприношения. В стремлении получить всю полноту власти сам Верховный инк прибегает к насилию и обману, не гнушаясь политическими убийствами (убийство полководцем Атауальпы Чалкучимой Филиппа, сына Карла V).

Художественный мир Л. Бине построен на двойной оптике. Мы знаем, какой жестокой была колонизация Америки, и мы видим, что в мире-наоборот Другой по-прежнему остается объектом подчинения. Все это в очередной раз показывает несовершенство любой социально-политической системы и побуждает искать его причины в человеческой природе.

Л. Бине разрабатывает целый арсенал приемов игры с читателем. Эти приемы объединены общей задачей, предполагающей постоянное колебание между верификацией и фикционализацией истории. На первое работает насыщенность историческими событиями и персоналиями, использование эпистолярия (переписка Томаса Мора и Эразма Роттердамского), детализированная топография (описания Севильи, Толедо, Флоренции), интермедияльные включения (литературный портрет Карла V создается на основе его живописного портрета с собакой кисти Тициана), отсылки к живописным (на портрете работы Жана Клуэ Маргарита Наваррская изображена с попугаем, который, в версии Л. Бине, подарен ей Атауальпой) и литературным произведениям (Педро Писарро знакомит инков с европейской цивилизацией, прежде всего, через литературу). Те же приемы могут, наоборот, ирреализовать историю, как, например, эпистолярный процесс Игуанамоты и Атауальпы или детальное описание тициановского портрета Атауальпы «Большой совет» – живописного полотна, которого не могло быть в реальности. Здесь Л. Бине создает своего рода фиктивный экфрасис, изображая картину, которой в реальности быть не могло: *«Верховный инк представлен в виде сына божественного Солнца: алый венец вокруг головы, профиль прекрасен как никогда [...] Он изображен в полный рост возле фонтана...»* [4, с. 210]. Вариацией этого приема является упоминание реальных живописных работ, на которых представлены события измененной исторической реальности (монументальный гобелен Вермеера «Покорение Туниса» создан в честь победной кампании не Карла V, а Верховного инка [4, с. 220]) или отсылка к картине Кранаха при описании сцены появления обнаженной принцессы Игуанамоты перед Лютером [4, с. 264]. При таком совмещении реального и вымышленного возникает эффект, подобный раблезианскому в знаменитых перечислительных рядах «Гаргантюа и Пантагрюэля»: вымышленное ирреализует реальное, а реальное верифицирует вымышленное.

Сюжет романа строится из перевернутых исторических событий или ситуаций, отсылающих к литературным произведениям. Так, обстоятельства смерти Верховного инка Уайна Капака повторяют историю убийства Эдипом своего отца Лая, а сцена мошенничества с индульгенциями, наблюдаемая инками в храме [4, с. 137], в точности воспроизводит пятый рассказ Ласаро из «Ласарильо с Тормеса», где продавец папских грамот и альгвасил разыгрывают представление в церкви (показательно, что в следующей главе Атауальпа встречает на улицах Саламанки нищего слепца, цитирующего пролог из этого же пикареского романа [4, с. 141]. В повествование включаются переделанные под новые условия ключевые документы эпохи: 95 тезисов Лютера преобразованы в 95 тезисов божественного Солнца [4, с. 270], манифест Реформации «Двенадцать статей» до-

полнен новой версией «Двенадцать статей эльзасского крестьянства» с пометками самого Верховного инка [4, с. 245]). Ставшие крылатыми выражения в трансформированном виде вкладываются в уста новых лиц, меняющих ход большой истории: фразу «Империя стоит обедни» [4, с. 268] произносит Атауальпа на пути к титулу императора.

Размывает границу реального и вымышленного текста организация нарратива, настраивающая другую оптику в отношении европейской цивилизации. Европа XVI века показана глазами чужого, Другого, поскольку повествование в хрониках ведется с точки зрения инка. Остранение активизирует восприятие читателя, предлагая ему опознать хорошо знакомые предметы (например, книги представлены в романе как «говорящие листы» (*les feuilles qui parlent*)). Такая игра в парафразирование делает достоверным образ нарратора-инка, открывающего для себя Новый свет, но при этом увиденные словно впервые явления, составляющие повседневную жизнь европейца, как бы переизобретаются, что служит очередным сигналом условности, созданности романного мира.

На условный характер художественной реальности указывает и название «Цивилизации». Л. Бине использует вариант американской орфографии слова *civilizations*, меняя одну букву: *z* вместо *s* французской версии (*civilisations*). Такой прием дает отсылку к известной игре-стратегии: название подчеркивает не только игровой характер и вариативность романного мира ухронии, но и его созданность. Цивилизация Нового света в хрониках развивается по логике игры-стратегии. Согласно компьютерной стратегии Агатуальпа строит империю, обеспечивая ее золотым запасом (из Америки рекой текут в Европу золото и серебро), проводя аграрную и социальную реформы, пополняя армию наемниками для приобретения новых территорий.

Таким образом, роман можно читать и как перенесенную в пространство литературы игру-стратегию, и как реализацию на практике концепции, изложенной в политическом трактате «Государь» Макиавелли, и как деконструированную историю Европы XVI века. Художественный текст становится мерцающим полем интерпретаций. Роман «Цивилизации» – виртуозная литературная игра, продолжающая традиции улипистов и новаторски переосмысливающая саму природу жанра. Л. Бине предлагает авторский вариант ухронии, перенося игровую стратегию в фактуру самого текста, когда прочтение превращается в дешифровку его строительного материала: литературных источников, исторических фактов, произведений архитектуры и живописи.

Библиографический список

1. Кротов, А. А. Философия исторических альтернатив: «Ухрония» Шарля Ренувье [Электронный ресурс] / А. А. Кротов // История философии. 2023. Т. 28. №2. – С. 36–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-istoricheskikh-alternativ-uhroniya-sharlya-renuvie/viewer> (дата обращения: 10. 08. 2024).

2. Виар, Д. Литература подозрения: проблемы современного романа [Электронный ресурс] / Д. Виар // Иностранная литература. 2012. №11. – URL: <https://coollib.in/b/224912-dominik-viar-literatura-podozreniya-problemyi-sovremennogo-romana/read> (дата обращения: 21. 08. 2024).
3. Монтень, М. Опыты. В трех книгах. Книга третья / М. Монтень. М.: Наука, 1979. – 542 с.
4. Бине, Л. Цивилизации / Л. Бине. Спб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 416 с.
5. Амирян, Т. Н. Поэтика жанра экзотификции: между фактом и вымыслом. – С. 153–165. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-zhanra-ekzofiksii-mezhdu-faktom-i-vymyslom/viewer> (дата обращения: 10. 09. 2024).
6. Колумб, Х. Дневник первого путешествия / Х. Колумб // Путешествия. Дневники. Воспоминания. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=65508&p=53 (дата обращения: 28. 08. 2024).